

Духъ жизни.

Камо уйду отъ лица
Твоего, Господи?

Есть одна картина—не помню чья,—которая изображаетъ Христа на полѣ битвы. Въ терновомъ вѣнцѣ, съ мукою божественнаго состраданія въ глазахъ, Онъ наклонился надъ тѣлами воиновъ, только что сражавшихся въ жестокой схваткѣ, въ злобѣ и ненависти крошившихъ другъ друга ударами мечей, а теперь примиренныхъ смертію. Бѣлая одежда Спасителя коснулась одного изъ воиновъ. Воинъ, еще не умершій, открылъ глаза и смотритъ на Спасителя съ тихимъ восторгомъ—примиренія и покоя...

Эту картину, отчасти, можетъ быть, дополненную моимъ воображеніемъ, я вспомнилъ съ необыкновенной яркостью при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Намъ однажды дали роздыхъ подлѣ полуразрушеннаго имѣнія галиційскаго магната графа Замойскаго. Вокругъ этого имѣнія въ продолженіе четырехъ дней происходилъ упорный бой. Усадьба нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Нашъ полкъ стоялъ въ резервѣ, потомъ насъ двинули въ бой, но когда мы пришли, надобность въ насъ миновала: австрійцы были разбиты и отошли къ Р...

Мы пришли поздно ночью и сдѣлали привалъ. Солдаты были утомлены труднымъ переходомъ по болотамъ и обледенѣлымъ холмамъ и, не разбивъ палатокъ, завалились спать кто-куда. Въ походѣ сонъ чутокъ. Спишь и въ то же время слышишь малѣйшій шорохъ, шопотъ подлѣ тебя, дуновеніе вѣтерка. Снятся сны, чаще всего кошмарные. Въ ушахъ гудятъ отзвуки не-

давняго боя: чудится канонада, трескъ разрывовъ, команда, стоны, крики, смѣшанный гулъ тысячъ голосовъ, ржаніе коней, свистъ и тоскливое пѣніе пулеметныхъ горошинъ, и знаешь, что это слуховой миражъ, фуга, но безвольно отдаешься вновь переживаемому отраженію боя. Товарищи кричатъ со сна, скрежещутъ зубами, кто-то молится во снѣ, кто-то поетъ. Нервы напряжены до крайняго предѣла.

— Ура-а!— кричитъ во снѣ Максютовъ.— Бей, ломи, круши, ребята!

— Землицей присыпь, землицей рану-то, землицей, говорю,— бормочетъ кто-то другой.

— Зиночка, если я уцѣлѣю... — во снѣ обращается къ своей невѣстѣ бывший техникъ Поликарповъ.

Нѣсколько тысячъ солдатъ спятъ и всѣ бредятъ во снѣ. Надъ лагеремъ стоитъ стонъ, страшный, прерывистый, стонъ здоровыхъ, но нервно напряженныхъ людей, стоитъ до поздней ночи, пока не одолѣетъ крѣпкій сонъ, пока усталое забытье не прогонитъ сновидѣній.

Я не спалъ. Меня все время занимало странное густое жужжаніе, похожее на гудѣніе пчелъ въ потревоженномъ ульѣ, доносившееся съ поля, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ происходилъ бой. То гуще и глуше, то тоньше и ярче, визгливѣе, звучало это жужжаніе, и походило это на то, какъ будто и лѣсъ, и холмы, и земля, и каждая кочка поютъ:

— У-у-у!

А потомъ:

— Пи-и-и!

— Что это? Что это такое?—спросилъ Поликарповъ, который проснулся и такъ же, какъ я, прислушивался къ тревожному жужжанію.

Я не зналъ, что это, но это было страшнѣе боя, страшнѣе атаки.

Солдатъ Максютовъ, здоровенный мужикъ-пензенецъ,

съ золотою бородою, и сѣрыми мягкими глазами тоже привсталъ и, прислушавшись, сказалъ:

— Земля плачетъ, братцы мои. Кровь на ей плачетъ, у Господа Бога прощенья молить.

И, помолчавъ, добавилъ:

— Старичекъ одинъ у насъ есть. Старой вѣры человекъ. Дыкъ онъ баялъ, будто такъ: будто послѣ страженія души убитыхъ по полю бродятъ - ходятъ, свою кровь собираютъ. А послѣ съ этой кровью своей ко Христу летятъ. Ко Христу летятъ и гудутъ: „Вотъ, Господи, наша кровь-кровинушка. Нѣту въ ней, Господи, никакой злобы и лютости. Дрались мы, Господи, безъ злости, а любя врага и съ молитвою“. И каждая душа такъ кричитъ, а апостоль открываетъ райскія ворота. „Эй, идите сюда, съ молитвою за свою мать-родину смерть пріавшіе! Идите, съ любовью животь свой положившее!“ Вотъ что баялъ старикъ древней вѣры.

— Кровь свою пролить — святое дѣло — отозвался изъ темноты ефрейторъ Ликинъ. — Христось какія страсти терпѣлъ. И намъ велѣлъ. Правду сказалъ твой старикъ, Максютовъ.

— Къ веснѣ, поди, замиренье будетъ, — откликнулся еще кто то. — На Пасху дома будемъ.

— Кто ее знаетъ. Не намъ это знать.

Слышь, ребята, слышь — еще.

Опять пѣло что-то за лѣсомъ, еще пронзительнѣе и тягучѣе:

— Пи-и-и!

Мимо насъ пронесли къ полуразрушенному дому, превращенному въ лазаретъ, носилки. Одиѣ, другія, третьи...

— Ай! — крикнулъ вдругъ Ликинъ, лежавшій съ краю. — Это что? Кто здѣсь?

— Съ нами крестная сила! Кто такой это? — крикнулъ еще кто-то.

— Сѣрниковъ дайте. У кого спички. Зажги огонь.

Вспыхнулъ дрожащій огонекъ и освѣтилъ Ликина. У его ногъ лежало что-то безформенное. Потомъ очертанія выступили яснѣе. Это былъ молодой, рослый нѣмецъ съ широкой зіяющей раной на лбу. Глаза его были закрыты, каска повисла на ремешкѣ и открывала его лобъ, руками онъ крѣпко уцѣпился за ногу Ликина, и изъ его открытаго рта вырывалось то самое, тоскливое „пи и-и“ или „и-и-и“, которое мы слышали прежде. Видимо, бѣдняга, проползъ безъ сознанія тѣ нѣсколько десятковъ саженой, которыя отдѣляли поле отъ нашего привала, и теперь хрипѣлъ:

— Tri-in-ken!

— Ахъ, сердяга, сердяга! — сказалъ, наклонившись надъ нѣмцемъ, Максютовъ. — Давайте ка, братцы, сюда флягу. Живо, чего тамъ путаешься! Вишь, человѣкъ страдаетъ.

Максютовъ влилъ нѣмцу въ ротъ воду. Тотъ жадно проглотилъ ее и, не открывая глазъ, застоналъ.

Ликинъ вытащилъ свой индивидуальный пакетъ и, смочивъ марлю въ водѣ, приложилъ нѣмцу ко лбу. Тотъ открылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ и снова закрылъ ихъ.

На лицахъ обступившихъ нѣмца солдатъ было передаваемое словами выраженіе. Это была и жалость, и боль, и ужасъ, и состраданіе, и чистый, хорошій, до слезъ трогаящій струны сердца порывъ любви.

Нѣмецъ вздрогнулъ и захлипалъ, какъ будто заплакалъ. И точно: изъ подъ рѣсницъ его покатились слезы.

— Ну, чего ты, чего, дурачекъ, — сразу заговорило нѣсколько голосовъ. — Богъ тебя привелъ, братецъ, Богъ и спасетъ.

— Бойтся онъ, — сказалъ Ликинъ.

— Не бойсь, парень, — положивъ свою большую, коравую руку на плечо нѣмцу, проговорилъ Максютовъ и продолжалъ, — нарочно коверкая слова, думая, что

такъ нѣмецъ его легче пойметъ.—Твоя Христу молится, и моя Ему молится. Не звѣри, чай, а люди. Не будетъ тебѣ ничего худого. Моя твоя жалѣеть. Понимаешь?

— Что здѣсь такое? — спросилъ подошедшій полуротный.

— Да вотъ, ваше б-діе, нѣмецъ у насъ раненый, такъ мы его охаживаемъ.

— Нѣмецъ? Какой нѣмецъ? Откуда?

— Не можемъ знать, ваше б-діе. Должно Богъ привелъ его, потому не въ себѣ парень. Мы и полагаемъ: пожалѣть надо.

— Такъ что дозвольте, ваше б-діе, — попросилъ Максютовъ, все еще держа руку на плечѣ нѣмца.

Поручикъ наклонился къ нѣмцу, осмотрѣлъ его и послалъ за санитарями. Нѣмца перевязали, привели въ чувство и понесли въ лазаретъ.

— Прощай, Карлъ Ивановичъ, прощай, душа, уже увидимся, — провожали его солдаты.

Но, видимо, эта ночь была какая-то особенная. Не прошло и получаса послѣ того, какъ унесли нѣмца, какъ вдругъ въ сторожевомъ пунктѣ начались не то перебранка, не то переговоры съ кѣмъ-то. Громкій разговоръ перешелъ въ галдежъ, заспорили нѣсколько голосовъ, кто-то отвѣчалъ имъ по-польски въ родѣ:

— Не вѣмъ, пани, не вѣмъ.

Уже разсвѣтало. Въ голубовато-розовомъ полусумракѣ видны были двѣ конныя расплывающіяся фигуры, изъ которыхъ одна энергично размахивала руками, а другая наклонилась къ лукѣ, видимо, пытаясь дать лошади шпоры. Подлѣ конныхъ стояли наши часовые, человѣка четыре, и загораживали имъ дорогу винтовками.

— Вѣмъ или не вѣмъ, — кричалъ одинъ изъ часовыхъ, — о томъ начальство знаетъ. Разберутъ, братъ.

Може разстрѣляютъ, а може и помилуютъ. Веди ихъ къ командиру, Исаченко.

— Красный Крестъ! — закричалъ другой часовой. — А я почему знать должонъ, когда ни зги, скажемъ, не видать. Я стрѣлять должонъ. Съ насъ тоже взыскиваютъ. А отпустить — это шутишь, это мы никакъ, нѣтъ, не можемъ.

— Красному Кресту развѣ полагается на посты прать? Знаемъ мы! Только для видимости съ крестомъ ѣздютъ, а на дѣлѣ оно Богъ ѣ знаетъ что!

Исаченко, ворча и отплеываясь, провель конныхъ австрійцевъ, напоровшихся на нашъ сторожевой обходъ, къ начальству. Австрійцы, дѣйствительно, имѣли на рукахъ повязки Краснаго Креста.

Спустя четверть часа, Исаченко вернулся, замѣтно смущенный и озадаченный.

— Въ чемъ дѣло, Исаченко? — спросили его солдаты.

— Кто ѣ пойметъ! Одинъ полякъ, а другой жидъ, и оба — двое австрійки. Врутъ, будто бинтовъ у нихъ не хватило, а раненыхъ страсть сколько: полторы тысячи. Ыздили, говорятъ, за бинтами въ П., гдѣ ихній санитарный пунктъ. А пунктъ сгорѣлъ, и ничего тамъ нѣтъ. Имъ, хоть тресни, бинтовъ надо. Вотъ они за бинтами къ намъ приперли.

— Врутъ! Чего другое имъ нужно было, — увѣренно сказалъ Ликинъ.

Подошелъ прапорщикъ В. и подтвердилъ рассказъ Исаченко. Австрійскіе санитары проблудили всю ночь, были въ двухъ мѣстахъ, гдѣ раньше находились ихъ санитарные пункты, но фронтъ подъ нашимъ неожиданнымъ натискомъ перемѣстился, и австрійскіе санитары не нашли лазаретовъ тамъ, гдѣ они ихъ искали. А такъ какъ имъ приказали безъ бинтовъ и медикаментовъ не возвращаться и добыть ихъ во что бы то ни стало, то они и рѣшили, по собственному почину, добыть ихъ у насъ.

— Я полагаю, что они просто порѣшили сдаться въ плѣнъ, не желая возвращаться съ пустыми руками,— высказаль свое мнѣніе прапорщикъ.— Предлогъ у нихъ былъ, и довольно приличный: дескать, къ вашему благородству прибѣгаемъ, а вы, какъ знаете.

— Ну, а какъ командиръ?—спросилъ Поликарповъ.

— А онъ, посовѣтовавшись съ нашимъ докторомъ, рѣшилъ, къ великому, должно быть, огорченію австрійскихъ санитаровъ, поступить благородно.

— То-есть?

— То-есть, снабдить ихъ медикаментами и отпустить съ миромъ.

— Да у насъ ихъ самихъ недостача, подвоза нѣтъ, обозы отстали. Какъ же это?

— Намъ нужно, а имъ, видимо, нужнѣе. Подѣлимся,—сказаль прапорщикъ и весело усмѣхнулся.—Вотъ такъ штука! Непремѣнно напишу объ этомъ случаѣ домой. Уди-ви-тель-но! То враги, а то: „Не будете ли вы любезны занять намъ медикаментовъ“. Символично, можно сказать!.. Да вотъ они ѣдутъ.

Австрійскихъ санитаровъ съ завязанными глазами провели мимо насъ. Черезъ сѣдла ихъ лошадей были переброшены узлы. Лица австрійцевъ были хмуры и злы; у старшаго, рыжеусаго, подергивалась отъ злости вся нижняя, видная изъ-подъ повязки половина лица. Младшій, совсѣмъ безусый и черный, какъ цыганъ, проходя мимо насъ, споткнулся и буркнулъ:

— Zum Teufel!

— Да ты, другъ, легче шагай,—сказаль солдатъ, взявъ его подъ руку.—А то невзначай и носъ расшибешь.

Санитаровъ вывели за передовую цѣпь пикетовъ, развязали глаза и отпустили. Они нехотя, чуть ли не шагомъ, поѣхали прочь. Проводившіе ихъ солдаты вернулись.

— А знаете, ребята, чего у меня просилъ чернявый-то?—разсказать солдаты.

— Ну?

— Жрать просилъ. До смерти, баеть, голодень.

— Какъ же ты его понять могъ, ежели онъ не по-нашему говорить?

— Какъ не понять? Про жратву ежели, такъ всякъ человѣкъ пойметъ. Открылъ онъ ротъ, пожевалъ, потомъ на животъ показалъ и завылъ, точно волкъ. Понятное дѣло—жрать охота.

— А ты ему что?

— Да что? Отдалъ ему свои сухари. Жри на здоровье.

— Правильно.

Взошло солнце, яркое и веселое. Рожки затрубили сборъ. Далеко далеко, за лѣсомъ, вспыхнулъ и всплылъ къ небу бѣлый дымокъ, за нимъ другой, третій, и скоро весь горизонтъ унизался дымками. Тамъ начался артиллерійскій бой, но канонада не долетала еще сюда. Было свѣжо, бодро, хотѣлось шагать по буровато бѣлому талому снѣгу, шагать мѣрно, подъ команду: „Лѣвой-правой“.

Солдаты, напяливая амуницію и собираясь въ походъ, все еще дѣлились впечатлѣніями минувшей ночи. Туляки, вятичи, костромичи, суровые, неуклюжіе, съ корявой, спотыкающейся рѣчью, съ закоружлыми руками, покрытые грязной корою, пропахнувшіе овчиной и потомъ, съ обвѣтренными лицами, съ бородами, сбившимися въ войлокъ, съ напряженно-сосредоточенными взорами сѣрыхъ и синихъ глазъ, съ грубыми ухватками, съ привычкою къ матерщинѣ и циничной брани,—туляки и вятичи такъ же просто шли сейчасъ въ бой, на смерть, какъ просто этой ночью, только что, пожалѣли раненаго нѣмца, врага, какъ дѣлились съ нимъ послѣдними сухарями, какъ одобряли поступокъ начальства, отдавашаго врагамъ медикаменты.

Затерянный между ними, простыми людьми, я былъ одинъ, прочитавшій много хорошихъ книгъ, издававшій много красоты въ жизни и въ книгахъ, но пораженный, подавленный простой, но могучей красотой и величіемъ русскаго духа. Я вспомнилъ лицо Христа, спустившагося на поле брани: у Него были такіе простые, любящіе и страдающіе любовью глаза, какъ у Максютова, какъ у Ликина, какъ у всѣхъ этихъ сѣрыхъ людей. Я вспомнилъ ихъ ночные разговоры о плачущей землѣ, объ оправданіи крови, о любви къ врагу, вспомнилъ, какъ пензенецъ солдатъ пожалѣлъ раненаго врага, а другой солдатъ накормилъ его, и стало жаль, зачѣмъ я не Максютовъ или Ликинъ, и стало страшно думать о томъ, что я буду дѣлать въ жизни, если уцѣлѣю и вернусь домой къ обычной обстановкѣ, къ книгамъ, въ шумный каменный и холодный Петроградъ.

— Стройся!—раздалась команда.

Солдаты въ измятыхъ шинеляхъ и фуражкахъ блиномъ, сѣрые и невзрачные, стали въ ряды и пошли, не торопясь, мѣрнымъ шагомъ впередъ, къ Н., такъ же, какъ они шли къ Равѣ, къ Синявѣ, къ Стрюю. И солнце такъ же свѣтило, какъ тогда, и воздухъ былъ такъ же чистъ и свѣжъ, только было въ душѣ что-то новое, лучъ какой-то, просторно было въ душѣ, потому что упала съ нея книжная короста, забыты навсегда формулы и схемы, и духъ живой, творящей жизни, идущій отъ этихъ тульскихъ и пензенскихъ мужичковъ, смѣнившихъ зипуны и лапти на мундиры и сапоги, проникъ глубоко-глубоко въ сердце и переродилъ его...

На войнѣ.

Лѣвъѣ, ноль, ноль три! Трубка сто двадцать девять. Огонь!—кричитъ со своей вышки маленькій, забрызганный съ ногъ до головы грязью артиллерійскій офицеръ Б.

— Ноль, ноль три, трубка сто двадцать девять. Огонь!—повторяетъ другой голосъ команду внизу.

— ...Сто двадцать девять. Огонь! звучитъ передаваемая команда въ третій разъ дальше.

— Трубка... Огонь! — едва слышно доносится еще разъ повторяемая команда съ края батареи.

— Тр р-ахъ! — сочно вырывается ударъ первой пушки.

Шесть орудій, одно за другимъ посылаютъ ядра въ непріятельскую позицію, и не успѣетъ замолкнуть отзвукъ удара послѣдней пушки, какъ снова громыхаеъ первая крайняя, и снова слышится съ вышки отчетливо сухая формула:

— Ноль, два! Трубка сто двадцать девять. Огонь!

Маленькій волшебникъ, сидя съ цейсовской трубкой на своей вышкѣ, ежеминутно фукая въ озябшія руки, бросаясь отъ буссолей къ микрофону, посылаетъ туда, за восемь верстъ отъ насъ смерть. Въ сухомъ сочетаніи цифръ, въ дробной формулѣ, которая прика-

зываетъ пушкамъ выбрасывать многопудовыя ядра,—могучая сила. Этой силой, разрушающей бетонный блиндажъ защитныхъ укрѣпленій непріятеля, сметающей въ одно мгновеніе валики окоповъ, вырывающей десятки людей изъ строя, калѣчащей, кромсающей, превращающей человѣческое тѣло въ брызги крови и мозга, управляетъ скромный офицеръ Б., въ помятой фуражкѣ, въ сбитыхъ сапогахъ, заросшій сбившимися въ войлокъ клочьями давно не бритой, давно не расчесываемой бороды.

И всѣ, начиная съ командира батареи, съ нашего ротнаго командира и кончая тулякомъ—солдатомъ Пахомовымъ,—всѣ забрызганы грязью, давно не видѣли мыла. гребешка, щетки, не смѣняли бѣлья; рубаха на тѣлѣ заскорузла и сдѣлалась твердой, какъ кожа, лица обвѣтрились и покрылись корою, уши больше не гложутъ отъ непрестаннаго грохота канонады, не умолкающей ни днемъ, ни ночью; сердце не бьется тревожно ни подъ огнемъ, ни въ атакѣ, когда опьяненные, озвѣрѣвшіе отъ крови и жажды жизни люди бьютъ штыками, прикладами, впиваются другъ другу въ лицо ногтями, зубами, рвутъ, дробятъ и крошатъ.

Двадцатый день мы сидимъ въ передовой цѣпи окоповъ въ качествѣ прикрытія. За это время мы успѣли привыкнуть ко всему. Когда, гудя, какъ трамвай, шипя и разбрасывая во всѣ стороны огонь, къ намъ летятъ „чемоданы“; когда шестидесятипудовый снарядъ, ринувшись внизъ, роетъ огромную воронку, забрасывая насъ щебнемъ, осколками и землей, мы не бросаемся ничкомъ, не бѣжимъ за прикрытіе, не мутится уже умъ отъ ужаса. Намъ все равно. Страхъ перегорѣлъ въ душѣ, смерть перестала пугать насъ.

— Ложись! — командуетъ взводный.

Если бы не команда, никто и не подумалъ бы лечь; вѣдь, каждый день, въ продолженіе двадцати сутокъ,

мы видимъ надъ своими головами летящіе снаряды. Звенить и воетъ шрапнель, тоскливо поютъ пулеметныя пульки и летятъ густыми роями вокругъ насъ—сухо гремить картечь—и такъ все время, даже тогда, когда мы спимъ или, вѣрнѣе, дремлемъ, сидя на корточкахъ и зажавъ между колѣнъ стволы винтовокъ.

— Какого черта — ложись! — ворчитъ Пахомовъ. — Она тебя и лежачаго достанетъ.

— Глянь-ка, братцы, правофланговая опять закурила! Эка лупить какъ!

Молчавшая съ утра батарея на правомъ флангѣ открыла ураганный огонь по деревнѣ К., занятой непріателемъ. Изъ-за лѣса поднялись два столба буроблаговаго дыма, грохнулъ тяжелый, раскатистый ударъ, отъ котораго у насъ осыпалась съ вала земля, къ самому небу взметнулся пламенный вѣеръ, а въ немъ замелькали какіе-то черные комья: это взорвали фугасами непріятельскую траншею, подрывшись подъ нее сапой, и взлетѣли вверхъ вмѣстѣ съ камнями и кусками бетона клочья человѣческаго мяса.

— Правѣ! Трубка сто тридцать. Прицѣль. Огонь! — спокойнымъ, ровнымъ голосомъ командуетъ офицеръ и потираетъ озябшія руки.

— Фр-р-рь! — разлѣтается широкимъ вѣеромъ пулеметный свинецъ, сухо стуча по камнямъ, подскакивая и звеня о стоящія позади насъ подбитыя два орудія.

И-и-и! — поетъ шрапнель.

— Ломакинъ, дай-ка, братъ, огня! — кричитъ среди грохота, воя и свиста Пахомовъ присѣвшему подлѣ него на корточки товарищу.

— Сѣрнички вышли, — такъ же крича, отвѣчаетъ Ломакинъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! Что же это будетъ? Курить охота.

— Отъ шрапнели закури, — смѣется Ломакинъ.

Кто-то протягиваетъ Пахомову коробку со спичками. Онъ съ наслажденіемъ закуриваетъ и начинаетъ мечтать вслухъ.

— Эхъ, кабы теперь щей, да съ капустой, а то который день всухомятку жремъ. Кабы въ шахъ да говядины кусокъ, да кабы...

— У, чортъ, замолчи тамъ! А то и вправду жрать захотѣлось. Эка расписываетъ какъ!

Если бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что я, какъ и Пахомовъ, буду мечтать о шахъ съ капустой и что это будетъ верхъ моихъ мечтаній, я не повѣрилъ бы. И инженеръ-доброволецъ Лисицинъ, бросившій все и отправившійся на войну, и бывшій адвокатъ Полозовъ, зарабатывавшій десятки тысячъ въ годъ, а теперь затагивающійся махоркой, и не умѣющій считать дальше ста полудикарь вятичъ Сироткинъ—все стали похожими другъ на друга, всехъ сравнила война. Мы шли на войну вмѣстѣ съ вятичами, съ орловцами, съ пензенцами, мы вмѣстѣ съ ними бились у Равы, они умирали на нашихъ глазахъ, и съ моей души, съ души Лисицина и Полозова слетѣлъ покровъ какой-то, забыты книжныя формулы, утеряны умныя слова, а осталось то, что есть въ душѣ у этихъ золотобородыхъ мужиковъ, отъ которыхъ пахнетъ овчиной, потомъ и отсырѣвшимъ солдатскимъ сукномъ. Здѣсь, на войнѣ, я не могу представить себѣ, что есть гдѣ-нибудь на свѣтѣ такое мѣсто, гдѣ не воютъ снаряды, что есть люди, которые не думаютъ объ атакахъ и бояхъ, что есть что-нибудь, покрывающее своей значительностью, своей важностью, своимъ жуткимъ, трагическимъ смысломъ эти мечты о горячихъ шахъ подъ дождемъ пуль и снарядовъ.

Ночью будетъ атака, и поэтому намъ дали роздыхъ. Мы ушли въ землянки, и наканунѣ боя каждый занялся своимъ дѣломъ. Сюда доносятся глухіе раскаты

взрывовъ и частая трескотня смѣнившаго насъ резерва. Съ потолка землянки, куда мы забрались ползкомъ, осыпается земля. Свѣчка, воткнутая въ горлышко бутылки, раза два погасла отъ взрывовъ подлѣ землянки.

— Ой-ой!—доносится чей-то стонъ изъ траншеи.

— Чего орешь?

— Нога-а! Ой, нога-а!—тянетъ надрывающій душу голосъ.

— Терентьевъ! Эй, Терентьевъ! Куда пропалъ, чортъ! Давай бинты. Копыткова кокнуло.

— Нога а!

Пахомовъ прислушивается къ стону Копыткова и неодобрительно качаетъ головою:

— Чего скулить? Стонать—бабье дѣло. Коли болить, скажемъ, даже болить—ты зубы стисни да помалкивай. А то смущенье наводитъ. Такое уже твое званіе—солдатъ, чтобы терпѣть, а то воетъ.

Лисицынъ пишетъ письмо подъ диктовку Лагова, маленькаго, круглаго солдата-вологдца.

— Супруга наша любезная, Марья Тимофеевна,—раскачиваясь диктуетъ Лаговъ. — Нынче ночью мы идемъ на большое страженіе. Живу ли быть, Господь вѣдаетъ, а умирать надо за престоль-отечество. И вотъ, супруга наша любезная, продай овчины. А дешевле, чѣмъ по три рубля не отдавай, потому овчины нонѣ въ цѣнѣ. Ежели что со мною будетъ, не тужи, Маруся: присягу принималъ. А насчетъ овчинъ, гляди, чтобы не продешевить. Молись Богу, угоднику Серафиму свѣчку поставь, потому страженіе будетъ лютее...

Адвокатъ Полозовъ сидитъ подлѣ свѣчки и, скви-нувъ сорочку, съ увлеченіемъ охотится за „внутреннимъ врагомъ“. Вольноопредѣляющійся Поповъ чисто-начисто выбрился и теперь бреетъ солдата Молостова, который даже покрываетъ отъ удовольствія:

— Вотъ такъ ладно! Закрутимъ усы колечками—
молодцомъ.

— Чего лакъ наводишь? Може убьютъ?—говорить
Строевъ, завидующій тому, что Молостцова бредутъ, а
онъ небритый..

— Умирать надо чисто,—отвѣчаетъ Молостцовъ.—
Вотъ я еще водицей волосы помочу да причешусь:
гляди, нѣмецъ, каковъ я есть доблестный воинъ Иванъ
Никифоровичъ Молостцовъ!

Въ сосѣдней землянкѣ затѣяли пѣсню. Запѣваетъ
чей-то бархатный грудной голосъ:

Никанорова солома,
Никанорихина рожь,
Никанору говорилъ—
Никанориху не трожь.

Нѣсколько голосовъ бойко и дробно подхватываютъ:

Ты раздѣлывай корзинки,
Раскомаривай куски;
Теща по міру ходила—
Отморозила чулки!

Въ пѣснѣ нѣтъ смысла, но въ голосахъ, поющихъ
ее подъ грохотъ канонады, чувствуется широкая, мо-
гучая сила, та сила, которая захватила меня, Полозова,
Лисицына и Попова и сроднила насъ съ тульскими и
пензенскими мужиками.

— Эка наяриваютъ какъ!—улыбаясь, говоритъ Пахо-
мовъ.

Адвокатъ Полозовъ бросилъ свою охоту и, подойдя
къ Пахомову, хлопаетъ его по плечу.

— Что, умирать будемъ, братъ?—говорить онъ.

— Чего умирать?—отвѣчаетъ Пахомовъ.—Расчихво-
стимъ мы ихъ, и дѣлу конецъ.

— А ежели они насъ расчихвостятъ?

— Вотъ такъ на: сказалъ! Не можетъ этого быть.

— Почему?

— Потому—мы народъ, сила, а они вахлаки. У насъ въ бой идутъ—пѣсни поютъ, а у нихъ волками воютъ. Стало быть, наша возьметъ.

Ты играй, моя тальянка,

Съ колокольчиками,

Ты пляши, моя милая,

Съ поговѣрочками—

доносится изъ сосѣдней землянки.

— Выходи, ребята,—приказываетъ взводный, заглядывая къ намъ въ землянку.

Ночь темна и сыра. Съ неба падаетъ мокрый снѣгъ и таетъ, не долетая до земли. А небо все залито кровью, все вспыхиваетъ зарницами—отблесками выстрѣловъ. И попрежнему, передаваясь четыре раза, слышна команда неутомимаго офицера, сидящаго на вышкѣ.

— Ноль и два, трубка сто двадцать восемь. Огонь!

Онъ сидитъ тамъ съ утра, съ ранней зари, подъ снѣгомъ, на вѣтрѣ, въ сырости, и все однимъ и тѣмъ же дѣловито-напряженнымъ голосомъ отдастъ приказанія.

Насыпь у нашего окопа снесена пулеметнымъ огнемъ. Солдаты работаютъ шанцевыми лопатками, набрасывая подъ пулями свѣжую насыпь. Гдѣ-то влѣво отъ насъ устанавливаютъ новыя орудія, и слышно, какъ кричатъ нѣсколько голосовъ:

— Ну-ка, наддай разомъ—у-ухъ!

— Плечомъ напри, этакъ!

— Ну-ка, понатужься, у-ухъ!

Какъ будто дѣлаютъ мирную тяжелую работу.

— Тра-та-та,—звучитъ гдѣ-то сигнальный рожокъ.

Въ этомъ стальномъ звукѣ могучая сила. Она поднимаетъ насъ изъ траншеи, смыкаетъ наши ряды и, снова повторившись въ иномъ сочетаніи, заставляетъ насъ разсыпаться по-одиночкѣ.

— Тра-та-та!

Ни я, ни Лисицынъ, ни Пахомовъ, не нашли еще имени тому, что слило насъ въ одно общее и цѣлое, но въ душѣ нѣтъ протеста, въ душѣ тихая радость, а временами въ ней вспыхиваетъ опьяняющій порывъ. И тогда, какъ у Равы, мы идемъ въ бой съ гимномъ, съ молитвой „спаси, Господи“. И я, аналитикъ и позитивистъ, и Лаговъ—простая душа, и еврей Нахмансонъ, вѣрующій въ иного Бога, всѣ мы поемъ одну молитву:

— Спаси, Господи, люди Твоя!

Здѣсь нѣтъ ни интеллигентовъ, ни мужиковъ, ни атеистовъ, ни вѣрующихъ людей; здѣсь одно многоголовое тѣло—народъ, здѣсь могучая слитность, въ которой нѣтъ ни вѣръ, ни націй, ни личныхъ убѣждений. У всѣхъ одна большая правда, и эта правда отмечаетъ прочь мою вѣру, мои принципы, мои взгляды, поглощая всего меня и растворяя мою личность въ морѣ Пахомовыхъ и Лаговыхъ.

— Тра-та-та,—звучитъ сигнальный рожокъ.

Я припадаю къ землѣ рядомъ съ Молоствовымъ. Съ неба падаетъ большой огненный комъ: это снарядъ. Онъ упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, и я слышу, какъ онъ шипитъ, чувствую исходящую отъ него теплоту.

— „Кого? Его или меня?“—думаю я.—„Ахъ, если бы не меня!“.

-- Тр-р-ахъ!—слабѣе, чѣмъ я предполагалъ, ударяетъ разрывъ.

— „Не меня, не меня, а его!“—радостно проносится въ моемъ умѣ.

— Хлю-хлю,—клокочетъ въ горлѣ у Молостова. Онъ подымаетъ голову, хочетъ сказать что-то.—Хлю-хлю... Умираю... Хлю! Напиши... хлю... брату. Вологодской губерн... село... Хлю-хлю...

Онъ опускается на землю и, вздрогнувъ, свертывается калачикомъ.

— Назадъ,—тихо передаетъ команду невѣдомо откуда взявшійся взводный.

Мы уходимъ опять въ траншеи, чтобы начать новую атаку при помощи сапы, т.-е. роясь въ землѣ и набрасывая впереди себя насыпь за насыпью...

Взрывъ моста.

Послѣ семидневной остановки въ деревнѣ Б., въ предгорьяхъ Карпатъ, мы получили приказъ сняться и идти къ У—скимъ лѣсамъ, гдѣ, какъ мы предполагали, намъ предстояло серьезное дѣло: въ лѣсахъ и за ними, на опушкахъ, согласно добытымъ развѣдками свѣдѣніямъ, находились серьезныя силы непріятеля. Дорога сначала шла по шоссе, потомъ шоссе круто обрывалось рывтинами, ямами, насыпями изъ щебня и огромныхъ камней,—препятствіями, созданными искусственно непріятельскими саперами.

Наша часть имѣла своей задачей, взявъ предмостное укрѣпленіе, взорвать мостъ черезъ горную рѣчку N. Поэтому мы отклонились къ западу отъ нашей колонны и вошли въ лѣсъ.

Ити приходилось осторожно, ощупью, потому что въ густой заросли кустарниковъ, за деревьями могла быть засада, хотя наканунѣ ночью развѣдочный отрядъ обследовалъ всю дорогу до моста и не обнаружилъ непріятеля.

Прошли мы этакъ верстъ пять. Лѣсъ оборвался полянкой, а за полянкой начиналась кручь, покрытая курчавой зеленью. Мы знали, что за этимъ лѣсистымъ холмомъ находится мостъ, который приказано было взорвать.

Вдругъ надъ нашими головами послышался харак-

терный шумъ пропеллера. Желтый аэропланъ дѣлалъ наверху крутые виражи и, когда мы попытались обстрѣлять его, рѣзко повернулся и исчезъ за холмомъ. Намъ нащупали, открыли. Черезъ нѣсколько минутъ изъ лѣса на холмъ посыпался густой рой пуль. Онѣ не долетали еще до насъ, ложились впереди, взрывая землю и шипя въ болотистой топи.

— Разсыпья цѣпью! Стрѣлки вперед!

Стрѣлки нашего полка славились мѣткостью стрѣльбы во всей дивизіи. Но здѣсь не было прицѣла: непріятель засѣлъ въ гущѣ лѣса, въ прекрасной позиціи, царившей надъ мѣстностью. Они прекрасно видѣли насъ, но стрѣляли, повидимому, плохо, какъ большинство австрійской пѣхоты. Поэтому, когда мы попали въ сферу обстрѣла, онъ не причинилъ намъ существеннаго вреда.

— На руку! Въ атаку!

Подосхву холма мы одолѣли, не встрѣтивъ сопротивленія. Только жужжали и свистѣли пули, сыпавшіяся сверху, да глушилъ ухо противный вой шрапнели.

Зато на макушкѣ холма, — тамъ былъ сущій адъ. Каждый клочекъ земли, каждое деревцо приходилось брать съ бою. Австрійцы дрались отчаянно, сознавая, что, если намъ удастся взорвать мостъ, мы отрѣжемъ отступленіе той части непріятельской арміи, которую наши второй уже день гнали къ рѣкѣ, охвативъ лѣвый флангъ непріятеля.

И такъ, шагъ за шагомъ, мы оттѣсняли австрійцевъ, которые подъ нашимъ натискомъ ушли за укрѣпленія. Мы увлеклись преслѣдованіемъ непріятеля до того, что оставили позади складъ боевыхъ зарядовъ. Вслѣдствіе этого намъ пришлось спѣшно отступить за зарядами. Наше отступленіе обмануло врага: онъ вообразилъ, что мы бѣжимъ, выскочилъ изъ-за при-

крытія и бросился на насъ. Запасшись патронами подъ огнемъ непріятеля, мы снова перешли въ наступленіе. Австрійцы, не ожидая такого афронта со стороны „разбитаго“ врага, обратились въ бѣгство, бросая ружья и амуницію.

Мы взяли укрѣпленіе и взорвали мостъ.

Когда мы къ утру вернулись къ своимъ, то узнали, что цѣлый корпусъ австрійцевъ сброшенъ въ рѣку и уничтоженъ, а другой бѣжитъ по направленію къ взорванному нами мосту.

Н о ч ь ю...

На далекомъ темномъ горизонтѣ вспыхиваютъ яркіе огненные сполохи. Вспыхнетъ, озаритъ на мгновеніе бѣлыя горы и лѣсъ, растущій у подножія Б—ской гряды, невѣрнымъ, дрожащимъ свѣтомъ, и снова все погружается въ глубокую, непроницаемую и липкую тьму.

Далеко, у В., идетъ артиллерійскій бой за обладаніе рѣчной переправой. Онъ тянется уже десятый день; непріятель уступаетъ пядь за пядью послѣ отчаяннаго сопротивленія; онъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы задержать движеніе нашихъ къ Д—му ущелью.

Бой происходитъ далеко отъ насъ. Сюда, гдѣ мы разсыпались мелкими отрядами, не доносятся даже отзвуки пушечной канонады, хотя тамъ вступили въ борьбу гигантскія орудія, бьющія многопудовыми снарядами.

Непріятель, уходя къ Д—мъ, оставилъ позади себя арріергарды. Они разсѣялись по лѣсамъ, рощамъ и тѣснинамъ и завязываютъ мелкія схватки съ нашими отрядами.

Мы залегли во рву, представляющемъ собою какъ бы естественный окопъ. Впереди рва—груда валуновъ, защищающихъ фронтъ окопа; дно и обочины рва покрыты курчавой порослью кустарника. И покуда тамъ, у В., не наступитъ развязка или покуда не понадобятся наши подкрѣпленія, придется лежать въ этой ямѣ.

— Тоска, братцы,—говоритъ невидный въ темнотѣ рядовой Балаевъ.

Это живой парень, который ни минуты не усидитъ на мѣстѣ, словно весь онъ на винтикахъ и шарнирахъ.

Вчера подвезли ротную кухню и обозъ. Бойкій Ба-

лаевъ какими-то ему одному вѣдомыми способами раздобыль корову, привелъ ее за рога, бранясь и выходя изъ себя:

— Живодеры, растуды ихъ! За ледащую коровенку десять рублей вынь да положи.

Корову съѣли съ большимъ аппетитомъ, поѣли кашу, поѣли сухарей вечеромъ, пили чай и снова ѣли что-то, а все же у Балаева, у Петрюкова, у всѣхъ—„тоска“.

— Дома, бывало, поспѣдаешь, чайку это вечеромъ попьешь—и баста. А тутъ ѣшь, ѣшь, ажно пузо пучить, и все жрать охота. Отчего бы это?

— Полагать надо, это отъ климата, — объясняетъ Хорьковъ, служившій до войны въ швейцарахъ.—Климатъ такой.

Хорьковъ, даже надѣвъ солдатскій мундиръ, сохранилъ свою солидность. Онъ—полная противоположность юркому Балаеву. Движенія его медлительны и степенны, говоритъ съ разстановкой и чувствомъ своего превосходства, аккуратень и точень и не любитъ бросаться въ огонь, очертя голову, а идетъ въ атаку безъ спѣшки, безъ торопливости, солидно покрикивая „ура“ и такъ же солидно покалывая штыкомъ „внѣшняго врага“.

И ѣстъ онъ съ той же солидной медлительностью. Убѣжденный въ томъ, что „климатъ“ требуетъ, чтобы набивать брюхо до переполненія, онъ никогда не отказывается отъ ѣды, но прежде, чѣмъ „приступить“, распояшется, степенно перекрестится и тогда уже, вытеревъ деревянную ложку пальцами, примется за дѣло.

Пока мы лежимъ въ оврагѣ, пока Балаевъ тоскуетъ по „жратвѣ“, а Хорьковъ обстоятельно объясняетъ ему причины его тоски, бой у В. разгорается. Зарницы становятся чаще и ярче, полнеба вспыхиваетъ кровавымъ заревомъ. Горитъ лѣсъ, зажженный артиллерійскимъ огнемъ, горятъ деревни и усадьбы, и горный вѣтеръ доноситъ къ намъ тучи горькаго, ѣдкаго дыма.

На днѣ оврага дымъ гуще и плотнѣе; онъ осѣдаетъ здѣсь клубами и расплзается среди поросли кустарника, затрудняя дыханіе.

— Сурьезное дѣло тамъ,—говоритъ „тоскующій“ Балаевъ.—Закурили трубку наши-то.

— А ты почему знаешь, что наши? Можетъ, это австрійцы.

— Куды имъ! Бѣжать—они мастера. А что насчетъ прочаго—никудышный народъ.

Неожиданно вблизи раздалась безпорядочная ружейная трескотня. Въ темнотѣ не видно было, кто и гдѣ стрѣлялъ, но очевидно было, что перестрѣлка происходитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста нашего расположенія. Очень могло случиться, что нашъ разъѣзд напоролся на австрійскую засаду или наоборотъ: мы сами сидѣли въ засадѣ. Разсыпавшіеся по флангамъ обѣихъ сражающихся армій отряды сталкивались случайно, случайно вступали въ борьбу или греслѣдовали другъ друга, растянувъ дозоры и „секреты“ на нѣсколько десятковъ верстъ пространства.

— На изготовку!

Вынырнувшій изъ темноты ротный произнесъ команду вполголоса, почти шопотомъ; она быстро передавалась отъ взвода къ взводу. Люди, только что занятые мирной бесѣдой и мечтаніями о „жратвѣ“, были готовы, хотя не знали еще, въ чемъ дѣло.

А дѣло, какъ позже выяснилось, состояло въ томъ, что большой отрядъ австрійской пѣхоты, пытаясь обойти насъ съ тыла, нарвался въ полувёрстѣ отъ насъ на нашъ дозоръ, состоявшій изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Тѣ, не разобравъ въ темнотѣ, что непріятель количественно превосходилъ ихъ разъ во сто, открыли стрѣльбу, но вынуждены были уйти. Они уходили наугадъ, нащупывая въ темнотѣ дорогу и догадываясь по случайнымъ признакамъ, куда идти.

Началось. Просвистѣли тихо, съ едва слышнымъ жужжаніемъ, первыя пули и шлепнулись о камень, обдавъ тучей щебня первую шеренгу залегшей за валъ роты.

— По одному выходи.

Одинъ за другимъ, гуськомъ, выползли изъ оврага. Оттого, что было темно, что не видно было ничего, кромѣ мгновенныхъ вспышекъ выстрѣловъ, становилось жутко. Словно ночь, таинственная и страшная, наползала со всѣхъ сторонъ и сжимала въ своихъ липкихъ тискахъ. Тысячи пороховъ, тысячи звуковъ, до сихъ поръ неслышныхъ, стали явственно опредѣленны и четки. Вонъ тамъ, справа, сорвался камешекъ, покатылся внизъ и шлепнулся въ воду. Здѣсь крикнуло, охнуло, точно застонало что-то во тьмѣ, перекатилось десятками отголосковъ и отозвалось въ непроницаемой дали.

Винтовка кажется горячей, рука липнетъ къ стволу, и цѣпко хватають затворъ пальцы, ставшіе неожиданно гибкими, ловкими.

Разъ!.. Дали залпъ. Въ отвѣтъ — десятки криковъ ужаса, боли, страшной муки сплелись въ хаосъ звуковъ и разсыпались эхомъ. Потомъ топотъ, лязгъ, паденіе чего-то тяжелого и хрупкаго.

Оказалось, что въ густой темнотѣ мы подобрались настолько близко къ непріятельскому отряду, что стрѣляли въ упоръ чуть ли не касаясь штыками въ грудь непріятеля. Это было неожиданно для него и для насъ. Сила моральнаго сцѣпленія, которая даетъ устойчивость массамъ и парализуетъ страхъ, была развѣяна внезапною нашего нападенія. Непріятельскій отрядъ бѣжалъ, пропавъ въ темнотѣ и оставивъ нѣсколько десятковъ раненыхъ и убитыхъ.

С т р а х ъ .

Разсыпной цѣпью, то припадая къ землѣ, то снова подымаясь, чтобы пробѣжать нѣсколько шаговъ и опять прилечь, мы приближались къ непріятельской позиціи. Справа, слѣва, со всѣхъ сторонъ летѣлъ, словно гудящій рой пчелъ, градъ пуль и падалъ аккуратными, ровными рядами, пуля отъ пули на одинаковомъ разстояніи. Непріятельская тяжелая артиллерія, стрѣлявшая изъ фортовъ, не пристрѣлялась еще, и снаряды дѣлали перелеты, шлепаясь въ болото, находившееся позади насъ. Круглые купола фортовъ были окутаны дымомъ и пылали, какъ въ огнѣ, отъ частыхъ выстрѣловъ.

Пока мы шли сплошной массой, плечо къ плечу, не было страшно. Сознаніе общности, сознаніе того, что весь этотъ ужасъ происходитъ „на людяхъ“, какъ выражаются мои сѣрые рядовые товарищи, превращаетъ страхъ въ чувство самосохраненія, которое во время боя значительно важнѣе безумной храбрости, потому что оно подчиняетъ солдата разумной волѣ и даетъ ему инициативу. Но какъ только строй рассыпался, какъ только оборвалась живая связь между мною, Ивановымъ, Тимофѣевымъ, чувство одиночества, тоскливое жуткое чувство охватываетъ человѣка, и кажется онъ себѣ самому мишенью для всѣхъ летящихъ густымъ роємъ пуль. „Вотъ попадетъ, вотъ вопьется, ра-

нить, убить". И кажется, будто уже впились въ тѣло тысячи иголь, острыхъ и раскаленныхъ.

Команды нѣтъ. Каждый изъ насъ, бѣгущихъ впередъ съ винтовкой на перевѣсъ, предоставленъ своей инициативѣ. Есть только общая цѣль—добѣжать до того вала, окутаннаго колючей проволокой, сомкнуться, слиться въ строй передъ нимъ, подъ огнемъ, бьющимъ въ упоръ, ворваться туда и завладѣть небольшой крепостцей, защищающей переваль Д. черезъ Карпаты.

Несмотря на то, что голова кружится отъ крайняго напряженія силъ, что пересохло во рту отъ волненія, что въ глазахъ мелькаютъ зеленныя искры, чувства обострены до того, что въ хаосѣ звуковъ различаешь звонъ каждой пули, пролетающей мимо тебя, видишь остро, четко и рѣзко каждую кочку, каждую травинку подъ бѣгущими ногами, которыя, помимо моей воли и сознанія, направляютъ меня туда, куда нужно: вотъ тамъ пули падаютъ гуще, разбрасывая вокругъ себя комья мокрой земли и щебня. И хотя инерція бѣга направлена туда, но тѣло получаетъ откуда-то изнутри толчекъ и ноги несутъ въ другую сторону, минуя зону усиленнаго обстрѣла.

— Тра-та-та-та!

Словно нѣсколько сотенъ швейныхъ машинокъ шьютъ безконечную рубашку. Саваны ли шьютъ онѣ мертвецовъ, усявшихъ поля Галиціи отъ Равы до Карпатъ? Это стучать пулеметы. Ихъ сухая трескотня врывается рѣзко и съ убійственной отчетливостью въ солидный, спокойный грохотъ орудій, которыя палятъ съ разстановкой, съ передышкой, посылая снарядъ за снарядомъ.

Полпути пройдено. Здѣсь начинается зыбкая топь, на которой клубятся бѣлыя облачка пара, поднятыя падающимъ сюда горячимъ свинцомъ. Идти несравненно труднѣе: нога вязнетъ въ черномъ, какъ деготь,

торфѣ, къ сапогамъ прилипають пуховыя комья земли, а цѣпкія болотныя растенія охватываютъ ноги, словно тисками. Пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, запутался и упалъ. Не раненъ? Нѣтъ, цѣль, хотя рядомъ. звеня и шипя, упалъ стальной прапнелый стаканъ. Издали слышно, какъ барабанъ бьетъ отбой. Значить, назадъ, надо бѣжать назадъ черезъ самое поле, на которое густыми, ровными рядами ложатся пулеметныя заряды. Становится досадно и... и страшно, какъ будто опасность смерти не впереди, не тамъ, гдѣ придется, столкнувшись лицомъ къ лицу съ непріателемъ, работать штыкомъ, прикладомъ, кулаками, зубами, а назадъ, за нашимъ прикрытіемъ.

И оттого, что страшно, странныя, совсѣмъ не идущія къ дѣлу мысли вторгаются въ умъ. Напримѣръ, давеча нашъ взводный Галагановъ сказалъ, что пуля, рикошетомъ попавшая въ него, задѣвшая и исковеркавшая образокъ, висѣвшій у него на груди, но не причинившая ему даже ожога, святая пуля. Онъ тщательно завернулъ въ бумажку сплюсненный кусокъ свинца и спряталъ въ кошелекъ на память. И вотъ вспоминается кошелекъ Галаганова, длинный и узкій изъ сѣрой замши.

— Для чего Галаганову такой большой кошелекъ, когда онъ самъ говорилъ, что все его богатство: „мѣдный крестъ, да пуговица?“ И гдѣ онъ его купилъ?

Потомъ мысль о Галагановѣ обрывается. Непріатель успѣлъ пристрѣляться, и падаютъ и рвутся вокругъ тяжелые снаряды, оставляя страшные слѣды—воронки, ямы, бугры взрытой земли.

— Крестъ да пуговица! Крестъ да пуговица,—неустанно стучить въ головѣ.

— А-ахъ!

Совсѣмъ недалеко кто-то крикнуть, мучительно и протяжно. Посмотрѣть? Нѣтъ. Если я посмотрю туда,

если увижу убитаго, раненаго или разнесеннаго рядомъ человѣка, у меня не будетъ больше силъ бѣжать: я упаду надорванный, безъ чувствъ, безъ воли, безъ сознанія.

Зажмуривъ глаза и тыкая почему-то винтовкой въ пустоту, какъ будто сейчасъ штыковой бой, я бѣгу, все ускоряя шагъ, и кричить во мнѣ одна и таже нелѣпая мысль, одни и тѣ же ничемныя слова:

— Крестъ да пуговица!

И кажется, будто со всѣхъ сторонъ повторяютъ летающей свинецъ, сталь и желѣзо:

— Крестъ да пу-у-у-говица!

Конечно, это слуховой миражъ, это кровь, прилившая къ головѣ, шумить и стучить въ вискахъ, и оттого свистъ и вой снарядовъ перерождаются въ моемъ умѣ въ слова, и оттого рождаются въ головѣ такіе звуки, которыхъ вокругъ меня нѣтъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ, когда я на мгновеніе открылъ глаза, мнѣ показалось, что все поле покрыто лежащими въ разныхъ положеніяхъ людьми. И я подумалъ, что вся наша рота, бросившаяся въ атаку, перебита, что уцѣлѣлъ только я одинъ, что это чудо, а такъ какъ чудесъ не бываетъ, то буду убить и я.

Теперь, убѣдившись въ томъ, что я цѣлъ, я живъ, что мнѣ осталось добѣжать всего нѣсколько шаговъ до лѣса, гдѣ наши окопы, я соображаю, что все это былъ обманъ чувства. Никто не кричалъ, никого не убило, не разорвало въ полѣ, нѣтъ труповъ, покрывшихъ иловатую сырую землю...

Еще одно усиліе воли, и я въ окопахъ, за брустеромъ. Теперь можно открыть глаза и посмотрѣть туда, куда я раньше не смѣлъ смотрѣть. Съ трудомъ раскрываются глаза: вѣки болятъ отъ напряженія, и въ первое мгновеніе ничего не видно кромѣ зеленовато-молочной мути. Рядомъ со мною стоитъ Галагановъ,

и лицо у него блѣдное, перекошенное, а рыжіе усы дергаются. Дальше Пахомовъ, Димитрюкъ—всѣ. Не хватаетъ только пятерыхъ, но спустя минуту двое, раненные въ ноги, вползаютъ въ траншею.

— Рота, стройся!

Привычное, почти механическое движеніе: разъ-два-три! Стоимъ правильными рядами, плечомъ къ плечу, шеренга за шеренгой.

— Лѣвымъ плечомъ впередъ, кругомъ—аршъ!

Что это? Куда насъ сейчасъ двинуть?

— Разсыпья!

Опять въ атаку, но другой дорогой, въ обхватъ, гдѣ падаетъ только боковой огонь. Теперь уже нѣтъ страха потому что это впередъ, а не назадъ, и пусть падаетъ сплошной дождь пуль, пусть шрапнель, пусть „чемоданы“—умъ ясенъ, сердце бьется ровно, и мысль спокойно подсказываетъ, что и какъ надо дѣлать...

Сѣрые люди.

Если бы какой-нибудь художникъ-баталистъ захотѣлъ изобразить современный бой, то онъ едва ли нашелъ бы здѣсь что либо эстетическое, даже съ точки зрѣнія батальной живописи. Это вовсе не красиво и не грандіозно, а обыденно и сѣро, какъ всякая напряженная работа. Здѣсь нѣтъ большихъ массъ войска, которыя сталкивались бы въ рукопашной схваткѣ, а маленькіе отряды забрызганныхъ грязью людей, сѣрыхъ и совсѣмъ обыкновенныхъ, залегли въ окопахъ, наполненныхъ желтой глинистой жижей, и отстрѣливаются, пока не прикажутъ идти впередъ, т. е. вѣрнѣе, ползти по грязи, прячась за каждую кочку или выступъ почвы. Тамъ и сямъ на скучномъ, сѣромъ горизонтѣ вспыхиваютъ дымки орудійной пальбы. Лѣниво отвѣчаютъ имъ наши братья, и офицеръ, засѣвшій у орудій за прикрытіемъ, такой же сѣрый, такъ же забрызганный грязью, какъ и его солдаты, пріникъ ухомъ къ телефонной трубкѣ и принимаетъ приказанія или передаетъ ихъ. И тутъ тоже, у насъ, сидитъ на корточкахъ нашъ поручикъ С., втянулъ голову въ плечи, потому что зябко; щеголеватый, любившій пофрантить до войны, онъ теперь обросъ клочковатой, грязнаго цвѣта бородой, которая сбилась въ войлокъ и торчитъ во всѣ стороны щетинистыми пучками. Еще у Равы онъ бросилъ свои франтовскіе са-

поги съ лакированными голенищами, потому что они „ни къ какому чорту не годятся“ и натянулъ сапоги казеннаго образца, съ широкими носками, расхлябанные, но удобные, такъ какъ они не жмутъ и не натираютъ мозолей въ походѣ. Позади насъ густо чмокаетъ грязь и обдастъ наши спины желтымъ мѣсивомъ. Это падаетъ прапнелъ и разбрасываетъ во всѣ стороны липкіе комья земли. Небо сѣро, сѣры люди, и все окутано пеленою сѣраго, густого тумана. И работа, которую мы дѣлаемъ въ липкомъ туманѣ, тоже сѣрая.

Мы пробиваемся впередъ такъ называемой перекидной сапой. Это для того, чтобы приблизиться безъ большихъ потерь къ непріятельскимъ окопамъ, которые такъ хорошо укрѣплены, что взять ихъ атакой не представляется никакой возможности, и приходится примѣнять пріемъ, употребляемый обыкновенно для приближенія къ крѣпости.

Мы роемся въ мокрой землѣ, какъ кроты, прорываемъ насыпь и перекидываемъ землю черезъ передній валъ и въ стороны. Лопата легко входитъ въ землю, но ее засасываетъ и вытащить ее очень трудно. Отъ напряженія потъ съ насъ катится градомъ, но вытирать его некогда, и онъ растекается грязными ручьями по лицу.

Это трудная, кропотливая работа, но мы приспособились къ ней, какъ и ко всей трудовой обстановкѣ войны, и я, и бывший агрономъ, а теперь рядовой такой-то роты Струтинскій, и золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Свири солдатъ Исаакъ Кроль, — всѣ сдѣлались землекопами, хотя никто изъ насъ ни разу, кажется, въ жизни не держалъ въ рукахъ лопаты.

Это—не изнанка, а лицевая сторона войны. Тускляя рабочія будни боевой жизни не блещутъ красками и трагическими коллизіями. Военная техника создала

грозныя, могучія орудія истребленія, но она не побѣдила человѣка, а заставила его искать средствъ приспособленія, и современная война представляетъ собою въ большей степени упорный трудъ, чѣмъ состязаніе лицомъ къ лицу съ противникомъ, потому что вся энергія уходитъ на то, чтобы парализовать, или, по крайней мѣрѣ, ослабить убійственное дѣйствіе непріятельской артиллеріи, скорострѣльныхъ и дальнобойныхъ орудій, бронированныхъ автомобилей съ пушками, пулеметовъ и чудовищныхъ снарядовъ.

Мы все время приспособлялись, все время условія боевой и походной жизни способствовали незамѣтному, но вѣрному процессу физическаго отбора. Слабые падали отъ усталости и болѣзней, выбывали изъ нашихъ рядовъ, трусливые закалялись, малодушные становились стойкими.

Сначала былъ подъемъ, и казалось, что идти въ бой или атаку не въ состояніи аффекта, значитъ потерпѣть пораженіе. И пока аффектъ, подъемъ, нервное напряженіе заставляли насъ бросаться въ бой, забывъ о смерти, не замѣчая крови и ранъ и разорванныхъ въ клочья тѣлъ товарищей, не было ни слабыхъ, ни сильныхъ. Нервный подъемъ крѣпилъ физическія силы, „на людяхъ“ смерть не была страшна.

Но аффектъ не можетъ длиться въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ при всякихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Напряженіе смѣнилось равнодушіемъ, потрясющее стало обыденнымъ, чувство больше не реагировало на ужасы боя, и сдѣлалось „все равно“. Выработалась привычка къ смерти. Инстинктъ самосохраненія, такой естественный въ живомъ существѣ и такой важный на войнѣ, когда человѣкъ играетъ огромную роль, какъ живая матеріальная сила, почти парализовался.

И казалось, что разъ такъ, разъ люди утратили

способность реагировать на окружающее ихъ, то они, какъ боевой матеріаль, больше не пригодны: это изношенныя части боевого механизма. Но именно тогда тѣ, которымъ было „все равно“, оказались наиболѣе боеспособными. Бывшій агрономъ Струтинскій, человѣкъ съ удивительно нелѣпыми движеніями, у котораго все тѣло, кажется, на винтикахъ и шарнирахъ, одинъ изъ этихъ равнодушныхъ. Онъ не боится ничего. Подъ градомъ пуль онъ спокойно, „не кланяясь“, идетъ въ атаку, а сейчасъ, когда позади насъ, впереди, со всѣхъ сторонъ летятъ и рвутся снаряды шрапнели, онъ съ изумительной аккуратностью и методичностью роетъ землю. Вытащить лопату съ комомъ земли, этакъ въ пудъ вѣса, уложить его, да еще подравнять лопатой, чтобы прочнѣ лежалъ земляной бугорокъ.

Слабыхъ больше нѣтъ: они въ тылу, въ лазаретахъ. Естественный подборъ войны отмель ихъ прочь, какъ непригодный для войны матеріаль. Остались такіе, которые могутъ мерзнуть и мокнуть, голодать и терпѣть всякія лишенія, и все имъ, какъ съ гуся вода.

Прокопали внутренній скатъ окопа. Отъ набросанной земли образовался новый окопъ впереди насъ. Снова принялись за работу — сверлить новый окопъ, чтобы опять очутиться впереди, ближе къ непріятелю.

Струтинскій поплевалъ на руки и принялся за лопату. Маленькій Кроль, который, собственно, былъ бабрабанщикомъ, усталъ и присѣлъ на корточки, чтобы передохнуть. На лицѣ его было недоумѣніе: развѣ воевать это значить ковырять землю? Онъ даже пожалъ плечами.

— Что, братъ, притомился? — спросилъ Ипполитовъ, рыжій солдатъ, которому даже смѣшно показалось, что отъ такой „пустяковой“ работы можно устать. — „Эхъ ты, мозглякъ!“

— Ему, Кролю - то нашему, куды сподручнѣ въ барабанъ бить, чѣмъ землю копать, — замѣтилъ Босыхъ.

— И зачѣмъ, братцы мои, такихъ на войну берутъ? Ихъ бы по канцеляріямъ, что ли, разсадить, либо въ кашевары. Пусть щи варятъ.

Кроль молчалъ. Маленькій, щуплый среди этихъ крѣпкихъ орловцевъ и туляковъ, онъ чувствовалъ себя далеко не героемъ. Онъ не могъ такъ приспособиться, какъ Струтинскій, какъ бывший технологъ, а теперь доброволецъ Максютовъ.

Неумолимый законъ боевого „отбора“ не коснулся Кроля. вмѣстѣ съ нами онъ терпѣлъ всѣ лишенія и оставался цѣль и здоровъ.

...Въ четырехстахъ шагахъ отъ непріятельской позиціи, гдѣ ружейные выстрѣлы были чуть ли не въ упоръ, оборвали сапу. Работа была окончена къ полуночи, но дать роздыхъ людямъ нельзя было, потому что этой же ночью нужно было овладѣть первой линіей ихъ окоповъ, чтобы выпрямить линію нашего фронта и начать общее наступленіе. Намъ приказали выйти изъ за прикрытія. Разсыпной строй на ограниченномъ пространствѣ, охваченномъ полукольцомъ непріятельскихъ траншей, былъ невозможенъ, и приходилось, безъ перебѣжекъ, идти плечомъ къ плечу.

Людямъ осточертѣло ковыряніе въ землѣ. Когда приказали начать атаку, всѣ обрадовались:

— Разомнемся, ребята! — радостно сказалъ Ипполитовъ.

— Руки совсѣмъ застыли, елки зеленые!

Четыреста шаговъ надо было пройти подъ огненнымъ дождемъ, который и сейчасъ осыпалъ насъ, не оставляя живого мѣста, а люди радовались предстоящей возможности размяться.

Какъ мы ни обтерпѣлись, какъ мы равнодушно ни

относимся къ мысли о смерти, но все же есть моменты, когда и такимъ, которымъ „все равно“, становится холодно. На такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля, какъ четыреста шаговъ, пули уже не свистятъ, не жужжатъ, а трещатъ, какъ хлопучки, но во сто кратъ сильнѣе. Громъ орудій превратился въ сплошной гудящій ревъ: это за нашей спиной продолжается артиллерійская дуэль, за спиною — потому, что орудійные снаряды и даже пулеметная дробь не могутъ уже попасть въ насъ и дѣлають перелеты, а наша артиллерія, поддерживая атаку, старается сбить непріятельскія орудія. Въ такомъ грохотѣ, въ такой близости, когда ружейный огонь не только жалить, но буквально обжигаетъ, становится жутко даже равнодушнымъ.

Скачекъ, и мы на окопахъ. Изъ траншей торчитъ стальная щетина штыковъ, живая, движущаяся щетина. Выстрѣлы смолкли. Кричатъ люди. Кто то подъ самыми ногами надрывно плачетъ. Это молоденькій австрійскій поручикъ, совсѣмъ мальчикъ, раненый въ шею. Сидитъ, прижавшись въ уголокъ окопа и рыдаетъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Некогда. Нужно спѣшить, нужно бить, иначе самъ будешь убитъ, изувѣченъ. Среди шума и криковъ слышенъ металлическій лязгъ оружія.

Совсѣмъ близко Кроль. Рядомъ. Лицо блѣдно, губы крѣпко сжаты, въ черныхъ, большихъ, какъ сливы, глазахъ страшная мука.

.....

